

Сидя на заднем сидении автобуса, использовавшегося для перевозки шахтеров между единственной колонией Апатроса и рудниками, Дес чувствовал себя совершенно опустошенным. Все, чего он сейчас хотел, так это вернуться в свою постель в бараке и заснуть. Адреналин иссушил его до дна, оставив его тело оцепеневшим и ноющим. Согнувшись на своем сидении, он рассматривал интерьер автобуса.

Обычно в транспорт вместе с ним набилось бы битком еще с десятков шахтеров, но в этот раз, не считая его и пилота, салон был пуст. После драки с Джердом начальник впечатляюще быстро и безо всякой оплаты отстранил Деса от работы, распорядившись, чтобы его отвезли обратно в колонию.

- Подобные штучки уже не в ходу, Дес, - нахмурившись, сказал начальник. - Но в этот раз нам придется преподать тебе урок. Тебе запрещается работать на рудниках до тех пор, пока Джерд не оклемается и не возвратится к работе.

В действительности же он имел ввиду только одно: Ты не заработаешь ни единого кредита, пока Джерд не вернется. Но за комнату и пищу он, конечно же, будет платить по-прежнему. Каждый день, что он промотает без дела, будет вписан в его счет, увеличивая долг, для погашения которого он так отчаянно работал.

Дес подсчитал, что пройдет четыре или пять дней, прежде чем Джерд сможет снова держать в руках отбойный молоток. Местный санитар с помощью виброскальпеля и синтеплоти пришел на место откушенный палец. Несколько дней инъекций колько и каких-нибудь дешевых медикаментов, чтобы притупить боль, и Джерд оправится окончательно. Бакта-терапия смогла бы вылечить его за день; но бакта была дорогой и РВК вряд ли станет мчаться за ней, если только у Джерда нет шахтерской страховки... в чем Дес сильно сомневался.

Большинству шахтеров никогда не было дела до спонсируемой компанией страховой программы. Главное, она была им не по карману. Если учесть, что шахтерам приходилось платить за жилье и еду, а их зарплата едва покрывала оплату перевозки на рудники и обратно, то становилось ясно, почему многие считали, что и без страховых взносов отдадут РВК более чем солидную часть своих с трудом заработанных денег.

Хотя дело тут было не только в цене. Казалось, что мужчины и женщины, вкалывающие на кортозисных рудниках, отрицали все, отказываясь признавать потенциальные опасности и угрозы, каждый день подстерегающие их. Страховка заставила бы их взглянуть в лицо неприветливым и неопровержимым фактам.

Мало кто из шахтеров доживал до преклонного возраста. Штольни собирали свой страшный урожай, хороня тела в пещерах или испепеляя их, когда кто-нибудь натыкался на карман запертых в скале взрывчатых газов. Но даже те, кто покидал рудники, жили после этого не долго. Слишком много отбирали у них пещеры. Сломленные и изнуренные десятилетиями тяжелого труда, больные из-за плохо очищенного воздуха шахт, шестидесятилетние мужчины более всего походили на девяностолетних.

Когда умер отец Деса (разумеется, безо всякой страховки), все, что ему от него досталось, так это привилегия перенять накопленный родителем счет. Харст проводил больше времени за пьянками и азартными играми, чем за работой. Чтобы ежемесячно вносить плату за комнату и еду, он частенько брал у РВК в долг под проценты, что было криминально везде, кроме Внешнего Кольца. Счет продолжал расти месяц за месяцем, год за годом, но Харсту на это было совершенно наплевать. Он был отцом-одиночкой с сыном, которого ненавидел, пойманным в ловушку безжалостной работы, которую презирал; он оставил любую надежду

сбежать с Апатроса задолго до того, как его погубил инфаркт.

Хаттов кусок плесени должно быть сейчас обрадовался бы, узнав, что сын застрял тут с его счетом.

Транспорт плелся над тусклыми каменистыми равнинами маленькой планеты, не издавая ни единого звука, кроме нескончаемого гудения двигателей. Безликие пустоши начали сливаться в одно мутное пятно, до тех пор, пока вид из окна не сделался обыкновенной бесформенной серостью. Эффект гипнотизировал: Дес чувствовал, как его уставшие разум и тело страстно желают окунуться в глубокий и пустой сон.

Вот так они и цепляют тебя. Заставляя тебя работать до изнеможения, притупляя твои чувства, замещая волю покорностью... до тех пор, пока ты не примешь свою участь и не угробишь всю жизнь в пыли и грязи кортозисных рудников. Все ради беспощадного служения Рудодобыче Внешнего Кольца. Это была необычайно эффективная ловушка; она сработала на таких людях, как Джерд и Харст. Но в случае с Десом она даст осечку.

Несмотря на необъятные долги отца, Дес знал, что когда-нибудь расплатится с РВК и выберется отсюда. Он знал, что рожден не для такого жалкого и ничтожного существования. Он был абсолютно в этом уверен, и эта уверенность давала ему силу выстоять под гнетом безжалостного, а временами и безнадежного труда. Она давала ему силу бороться, даже в те моменты, когда он готов был сдаться.

Его отстранили, не дав работать на рудниках, но были и другие способы заработать кредиты. С огромным усилием, Дес заставил себя встать. Пол под ногами раскачивался, из-за того, что автобус постоянно регулировал свой курс, дабы не отклоняться от запрограммированной высоты полета, не превышающей полуметра над уровнем земли. Он подождал секунду, приспособившись к ритму движения транспорта, затем, пошатываясь, пошел по проходу между сидениями к пилоту в носовой части. Человека он узнать не смог, они все казались ему на одно лицо: с мрачными, не улыбкаемыми чертами, унылым болезненным взглядом и всегда выглядящие так, словно вот-вот взвоят от дикой головной боли.

- Эй, - сказал Дес, стараясь, чтобы голос его звучал небрежно, - сегодня какие-нибудь корабли в космопорт прибывали?

У пилота не было причин обращать на него внимание. Сорокаминутный путь между рудниками и колонией прямой линией проходил среди пустоши; некоторые пилоты даже украдкой дремали на маршруте. Вот и этот, когда отвечал на вопрос, отказался повернуться и посмотреть на Деса.

- Грузовое судно село несколько часов назад, - сказал он скучающим голосом. - Военное. Республиканский корабль.

Дес улыбнулся.

- Они останутся ненадолго?

Пилот не ответил; он лишь фыркнул и покачал головой в знак глупости вопроса. Дес кивнул и поплелся на свое место в хвосте транспорта. Он тоже знал ответ.

Кортозис использовался во всем - от истребителей до флагманских кораблей, и вплетался в боевые доспехи солдат. И пока тянулась война против ситов, Республика нуждалась во всем большем и большем количестве кортозиса. Каждые несколько недель республиканский

грузовоз приземлялся на Апатросе. На следующий день он отлетал обратно, с трюмами, до отказа набитыми ценным минералом. А до тех пор команде - офицерам и солдатам-срочникам - не оставалось ничего, кроме как ждать. Из своего прошлого опыта Дес знал, что когда у солдат Республики появлялось несколько свободных часов, они неизменно стремились перекинуться в карты. А где бы люди не играли в карты, там всегда были деньги.

Опустившись на свое место, Дес решил, что возможно ему еще рано отходить ко сну.

К тому времени как транспорт остановился на окраине колонии, тело Деса дрожало от предвкушения. Он выпрыгнул наружу и неторопливой походкой побрел к своему барaku, борясь против собственного рвения и побуждения сорваться на бег. Он уже рисовал в воображении солдат Республики с их кредитами, сидящих за игровыми столами в единственной кантине колонии.

Однако не было никакого смысла мчаться туда сию же секунду. Сейчас было уже под вечер, и солнце на севере только-только начало опускаться за горизонт. Но большая часть шахтеров из ночной смены в этот момент бодрствовала. Многие из них уже находились к кантине, коротая время до начала смены, когда придет час отправиться на рудники. Дес знал, что в следующие два часа ему едва ли повезет найти в кантине место, где можно присесть. Не говоря уже о том, чтобы отыскать свободное место за столом, где играют в пазаак или сабакк. Но будет еще несколько часов, прежде чем работающие в дневную смену люди залезут в поджидающий их транспорт, чтобы добраться до дома; он будет в кантине задолго до любого из них.

У себя в бараке он стянул перепачканный комбинезон и забрался в пустую коммунальную душевую, смывая с тела пот и мелкую каменную пыль. Переодевшись в кое-какую чистую одежду, он вышел на улицу и неспеша направился к кантине на краю города.

У кантины не было названия; да оно ей и не требовалось. Ни у кого никогда не возникало трудностей с ее поиском. Апатрос был маленьким миром, всего лишь луной с атмосферой и немногочисленной местной растительностью. Здесь было немного мест, куда можно было отправиться: рудники, колония, или бесконечные безликие пустоши. Рудники были массивным комплексом, включавшим в себя прорытые РВК пещеры и штольни, а также очистные и обрабатывающие сооружения.

Космопорт тоже находился здесь. Грузовозы с партиями кортозиса на борту отлетали ежедневно, переправляя его в какие-нибудь состоятельные миры поблизости от Корусанта и Галактического Ядра. Во все же остальные дни прибывали суда, доставляющие оборудование и припасы, чтобы не дать рудникам встать. На очистных фабриках и в космопорте трудились работники, которые не были достаточно выносливы, чтобы добывать кортозис. Платили там не так хорошо, но зато жили они дольше.

Но в не зависимости от того, где люди работали, все они по окончании своих смен возвращались домой в одно и то же место. Колония была ничем иным, как полуразвалившимся городком временных бараков, собранных РВК в кучу, чтобы вместить несколько сотен рабочих, разрабатывающих рудники. Как и сам этот мир, колония была официально известна под именем "Апатрос". Те же, кто здесь жил, чаще всего называли ее "навозными хибарами". Каждое здание отливало однообразным тускло-серым оттенком дюрестила, выветрившегося и изношенного снаружи. Внутри постройки выглядели совершенно одинаково - временные жилища рабочих, которые стали слишком постоянными. В каждой были четыре маленькие частные комнаты, предназначенные для двух человек, но чаще вмещавшие трех и более. Иногда целые семьи делили одну из этих комнат, если не могли найти кредиты на непомерно высокую арендную плату, взимающуюся РВК. В каждой комнате были койки,

вделанные в стену, а единственная дверь открывалась в узкий коридор, в конце которого располагались общие туалеты и душ. Двери на плохо прилаженных петлях, за которыми никогда не ухаживали, имели привычку скрипеть; едва залатанные крыши неизменно протекали всякий раз, как шел дождь. Разбитые окна были запечатаны от ветра и холода, и их никогда не заменяли. Тонкий слой пыли скапливался на всем, но лишь некоторые из постоянных жильцов иногда заботились о том, чтобы привести свои жилища в порядок.

Колония тянулась по обе стороны площади всего на километр, так что можно было пройти от любого здания с одной стороны до такого же на другой меньше чем за двадцать стандартных минут. Если не принимать во внимание ужасающее сходство архитектуры, ориентироваться в колонии было не так уж и трудно. Бараки располагались вдоль и поперек прямыми рядами, формируя сетку унитарных улиц среди однообразно расположенных жилищ. Улицы эти нельзя было назвать по настоящему чистыми, так как они едва ли не тухли от мусора. РВК убирала отбросы и утильсырье так часто, как того требовало поддержание санитарной обстановки - вспышки болезней, вызванные отходами, могли неблагоприятно сказаться на функционировании рудников. Впрочем, компания обращала мало внимания на беспорядочно валявшуюся рухлядь, которая неизбежно накапливалась повсюду в городе. Разбитые генераторы, проржавевшие механизмы, разъеденные коррозией куски металла, и изношенный инструмент переполняли узкие улочки между бараками.

В колонии было всего два здания, хоть как-то отличавшиеся от прочих. Одним был магазин РВК - единственный в этом мире. Его место когда-то занимал барак, но койки заменили полками, а зона коммунального душа служила теперь надежным складским помещением. Снаружи висела черно-белая табличка с режимом работы. Не было никаких вывесок и никаких рекламных объявлений, привлекающих посетителей. Магазин торговал только основными товарами, и к тому же по чрезмерно завышенным ценам. На покупки в счет будущей зарплаты охотно давался кредит под неизменно высокий процент. Это гарантировало, что покупатели, отработывая свои приобретения, проведут на шахтах еще больше часов.

Другим зданием, не похожим на другие, была кантина: величественный триумф красоты и дизайна никак нельзя было сравнить с гнетущей однообразностью остальной части колонии. Кантина была возведена на окраине города, и находилась достаточно далеко от серого переплетения бараков. В ней было всего три этажа, а так как любое другое строение ограничивалось лишь одним, она властвовала над окружающим ландшафтом. Хотя такая высота была ей явно ни к чему. Все внутри концентрировалось на нижнем этаже; верхние были лишь фасадом, для видимости возведенным Грошиком - неймодианином, который владел заведением и одновременно был его барменом. Второго и третьего этажа над потолком первого не существовало вовсе, были лишь вздымающиеся стены и свод, сделанный из слегка подкрашенного и подсвеченного изнутри фиолетового стекла. Такие же фиолетовые огни накрывали и бледно-голубые наружные стены. На любой другой планете эффект от этого показался бы показушным и безвкусным, но среди серости Апатроса все это смотрелось очень даже неплохо. Грошик часто заявлял, что умышленно сделал свою кантину не в меру яркой просто для того, чтобы вызвать раздражение у власть предержащих из РВК. Подобное отношение снискало ему популярность в среде шахтеров, но Дес сомневался, что РВК действительно есть до этого дело. Грошик мог перекрашивать свою кантину в любой цвет, какой ему заблагорассудится, до тех пор, пока продолжал еженедельно отдавать корпорации ее долю прибыли.

Двадцати четырех часовой стандартный день Апатроса делился поровну между двумя сменами шахтеров. Дес и остальные из утренней бригады работали с восьми утра до шести вечера; их сменщики с шести до восьми. Грошик, стараясь до предела увеличить прибыль, открывался каждый полдень в час, и не закрывался целых десять часов. Это позволяло ему обслуживать

ночную бригаду рабочих прежде, чем те приступят к работе, и ловить дневную бригаду, когда их смена подходила к концу. Он закрывался в три ночи, тратил пару часов на уборку, шесть часов спал, вставал в одиннадцать и начинал все сначала. Его режим был хорошо известен всем шахтерам; неймодианин был таким же пунктуальным, как восходящее и заходящее тусклое рыжее солнце Апатроса.

Когда Дес миновал расстояние между задворками колонии и входной дверью кантины, он сразу же расслышал звуки, исходящие изнутри: громкая музыка, хохот, болтовня, звенящие бокалы. Сейчас было уже почти четыре. У дневной смены оставалась еще пара часов до конца работы, но кантину до сих пор переполняли люди из ночной смены, пришедшие выпить или перекусить до посадки на автобусы, которые отвезут их на шахты.

Дес не узнавал ни одного лица: дневная и ночная бригады пересекались нечасто. Толпу по большей части наполняли люди, но было и несколько тви'леков, саллустриан, и цереан. Дес удивился, увидев здесь еще и родианина. По-видимому ночная бригада была более снисходительна в расовом вопросе, нежели дневная. Тут не было официанток, игроков, или танцоров; единственным служащим в кантине числился сам Грошик. Если кто-то хотел выпить, он подходил к пристроенному к задней стене огромному бару, и делал заказ.

Дес протолкался через толпу. Грошик заметил его приближение, и ненадолго исчез за барной стойкой. Как только Дес подошел, он появился снова, но уже с кружкой гизерского эля.

- Ты сегодня рано, - сказал Грошик, с глухим звуком поставив выпивку.

Его низкий хриплый голос было сложно разобрать за шумом толпы. Слова его вечно имели гортанный тембр, как если бы он говорил из самой глубины собственной глотки.

Неймодианину он нравился, хотя Дес и не знал наверняка, почему. Может потому, что тот своими глазами видел, как Дес вырос из мальчугана в мужчину; может, он просто чувствовал жалость к Десу, увязшему из-за отца в грязи. Какова бы ни была причина, между ними двумя стояло соглашение: Дес никогда не будет платить за выпивку, если ее наливают ему без спроса. Дес благодарно принял подарок и осушил его одним долгим глотком, опустив пустой бокал на стол.

- Влип в небольшую переделку с Джердом, - ответил он, утирая рот. - Я откусил ему палец, так что они отпустили меня домой пораньше.

Грошик склонил голову на бок и впери в Деса громадные красные глаза. Угрюмое выражение на его амфибиеподобном лице не изменилось, но тело все же слегка задрожало. Дес знал его достаточно хорошо, чтобы понять, что неймодианин смеется.

- Похоже на справедливый расклад, - проквашал Грошик, вновь наполняя бокал.

Дес не стал поглощать его с той же жадностью, как в первый раз. Грошик редко давал ему бесплатно больше одного, и он не хотел оскорблять щедрость бармена.

Он перевел внимание на толпу. Республиканских гостей заметить было не сложно. Четыре человека (двое мужчин и две женщины), и иторианин мужского пола в грубо скроенных флотских униформах. Хотя их выдавала не столько одежда. Все как один держались прямо и подтянуто, тогда как большинство шахтеров постоянно сутулились, словно несли на спинах что-то непомерно тяжелое.

В одном из углов помещения небольшая секция была отделена от остальной части таверны.

Это была единственная часть заведения, с которой Грошик не имел ничего общего. Компания РВК разрешала азартные игры на Апатросе, но только в том случае, если за столы отвечала она сама. Официально это делалось для того, чтобы не дать никому возможности смошенничать, но все знали, что в действительности РВК была заинтересована в контроле ставок. Она не хотела, чтобы один из ее работников выиграл по-крупному и за одну удачную ночь расплатился по всем своим счетам. Сохраняя максимальные лимиты низкими, РВК тем самым делала так, что было выгоднее работать на рудниках, чем сидеть за карточными столами.

В игровой секции находилось четыре флотских офицера, затянутых в униформу республиканского флота, и где-то с десятков шахтеров. Женщина-тви'ллек со знаками отличия старшины на лацкане играла в пазаак. Молодой энсин сидел за столом с сабакком, шумно болтая со всеми окружающими, хотя его, похоже, совершенно никто не слушал. Еще два офицера - оба люди, мужчина и женщина - также сидели за столом для игры в сабакк. Женщина-лейтенант и мужчина с лычками командера. Дес предположил, что оба они являлись старшими офицерами, ответственными за перевозку котрозиса.

- Вижу, ты уже заметил наших вербовщиков, - проворчал Грошик.

Война против ситов - официально не более чем серия затяжных военных стычек, даже хотя вся Галактика знала иное - требовала постоянного притока на линию фронта молодых и горячих кадетов. И по какой-то причине Республика все время ждала, что граждане миров Внешнего Кольца немедленно ухватятся за шанс к ним присоединиться. Всякий раз, когда военная команда залетала на Апатрос, офицеры норовили набрать новых рекрутов. Они закупали литры выпивки и использовали ее как наживку для начала беседы, ведущейся обычно на тему восхитительной и героической жизни солдата. Иногда они играли на жестокости ситов. В остальное же время они только и делали, что раздавали обещания лучшей жизни в республиканской армии - все время притворяясь дружелюбными и сочувствующими местным, в надежде, что кто-то в любом случае к ним прибьется.

Дес подозревал, что им доставалось нечто вроде премии за каждого нового завербованного рекрута. К несчастью для них, они вряд ли найдут слишком много желающих на Апатросе. Республика была не особо популярна во Внешнем Кольце; здешний народ, включая и Деса, знал, что Миры Ядра эксплуатируют маленькие, удаленные планеты ради собственной выгоды. Здесь, на окраине цивилизованного космоса, ситы и нашли своих антиреспубликанских сторонников. Это было одной из тех причин, почему в ходе войны их количество продолжало расти.

Несмотря на недовольство Мирами Ядра, люди все еще могли бы записаться в рекруты, не будь Республика настроена с таким рвением следовать абсолютной букве закона. Всякого, кто пытался сбежать с Апатроса и из хватки горнодобывающей корпорации, постигало внезапное потрясение: долги РВК по-прежнему требовались уплатить, даже если рекруты защищали Галактику от нарастающей угрозы со стороны ситов. Если кто-нибудь задолжал деньги легальной корпорации, республиканский флот гарантировал ему выплату зарплаты до тех пор, пока долги не будут погашены. Но не так уж много шахтеров было взбудоражено перспективой присоединиться к войне только ради того, чтобы иметь привилегию не платить.

Некоторые из рабочих были не в восторге от постоянных потуг старших офицеров соблазнить наивных юношей и девушек пойти у себя на поводу. Хотя Деса это не волновало. Он слушал бы их лепет хоть всю ночь, лишь бы те продолжали играть в карты. Он предположил, что цена, которую предстоит уплатить за прикармливание их кредитов, будет небольшой.

Его рвение, должно быть, стало заметно, по крайней мере для Грошика.

- Неужели ты ввязался в драку с Джердом только потому, что решил прийти пораньше? Услышал, что сюда заглянет республиканская команда?

Дес покачал головой.

- Нет. Всего лишь удачное совпадение, и только. О чем они разглагольствуют на этот раз? О величии Республики?

- Пытаются предупредить нас об ужасах Братства Тьмы, - слышался осторожный ответ. - Получается не слишком хорошо.

Когда дело касалось политики, владелец кантины сохранял собственные взгляды при себе. Его посетители были вольны говорить на любые темы, какие бы не пожелали. Но в не зависимости от того, как пылки были их аргументы, он всегда отказывался принимать чью-либо сторону.

- Скверно для бизнеса, - объяснил он однажды. - согласишься с кем-то, и он становится твоим другом на всю оставшуюся ночь. Пойдешь ему наперекор, и он будет ненавидеть тебя неделями.

Неймодиане были хорошо известны своей проницательностью в бизнесе, и Грошик не был исключением.

К бару протолкался шахтер и сделал заказ. Когда Грошик уже собрался его выполнить, Дес отвернулся, чтобы изучить игорную зону. За столами для игры в сабакк не было ни одного свободного места, так что до поры до времени ему пришлось побыть в роли наблюдателя. Больше часа он изучал манеру игры и ставки вновь прибывших, особое внимание уделяя игравшим со старшими офицерами. Те были намного лучше срочников, возможно потому, что имели на расходы больше кредитов.

Игры на Апатросе следовали измененной версии Беспинских Стандартных правил. Основы были просты: собрать комбинацию карт настолько близкую к двадцати трем, насколько было возможно без торга. Каждый круг игрок мог выбрать: остаться ли ему в раунде, или сбросить карты. Игрок, принявший решение остаться, мог вытянуть новую карту, обменять ее, либо положить карту на поле помех, чтобы зафиксировать ее значение. В конце каждого круга игрок мог открыться, предъявив свою комбинацию и принуждая остальных игроков раскрыть карты. Лучшая рука за столом выигрывала кон. Любая комбинация больше двадцати трех очков, или больше минус двадцати трех являлась перебором, из-за чего игроку приходилось выплачивать штраф. А если игрок имел комбинацию, составлявшую ровно двадцать три очка - чистый сабакк - то в качестве бонуса он выигрывал банк. Но с бесконечными заменами, которые из круга в круг могли неожиданно поменять значение карт, и с другими игроками, слишком рано открывавшимися, чистый сабакк было получить гораздо сложнее, чем это могло показаться.

Сабакк был больше, чем просто игрой на удачу. На первое место тут выходили стратегия и стиль, знание, когда сблефовать, когда отступить, и как приспособиться к постоянно меняющимся картам. Некоторые игроки были слишком осторожны, никогда не ставя больше минимума, даже когда имели на руках неплохую комбинацию. Другие были чересчур агрессивны, стараясь запугать оппонента непомерными ставками, даже не имея ничего в кармане. Естественные склонности игроков можно было выявить, если знать, что искать.

Энсин, к примеру, был в игре абсолютным новичком. Вместо, того чтобы сбросить свои карты,

он продолжал играть со слабыми комбинациями. Он был преследователем, не удовлетворявшимся теми картами, которые казались ему ущербными для получения кона. Он всегда пытался собрать лучшую комбинацию, надеясь крупно выиграть и сорвать банк, который продолжал расти, ожидая счастливого случая. Как результат, энциклопедия не прекращала обходить стороной переборы и необходимость выплачивать штраф. Хотя не похоже было, что это хоть как-то влияло на его ставки. Он был одним из тех игроков, у которых было больше кредитов, чем здравомыслия, что Десу подходило просто прекрасно.

Будучи опытным игроком в сабакк, необходимо знать, как контролировать стол. Десу не потребовалось много времени, чтобы понять, что республиканский командер делает именно это. Он знал, как крупно поставить и сделать так, чтобы остальные игроки сбросили выигрышные комбинации. Знал, когда поставить мало, чтобы соблазнить остальных и дальше продолжать играть теми картами, которые они должны были сбросить. О собственных картах он беспокоился мало; он знал - секрет сабакка в том, чтобы вычислить, что на руках у всех остальных... и затем позволить им думать, что они знают, что на руках у него. Только лишь когда все комбинации предъявлялись, и он сгребал фишки, его соперники понимали, как они ошибались.

Он был хорош, пришлось признать Десу. Лучше, чем большинство республиканских игроков, которые здесь околачивались. Несмотря на импозантную внешность, командер был безжалостен, и брал кон за коном. Но у Деса было хорошее предчувствие; иногда он просто знал, что не может проиграть. Сегодня он собирался выиграть... и выиграть по-крупному.

Один из шахтеров за столом тяжело вздохнул.

- Еще один круг и этот банк будет мой! - проронил он, качая головой. - Тебе просто повезло, что ты успел открыться, - добавил он, обращаясь к командеру.

Дес знал, что дело тут было не в везении. Шахтер был настолько возбужден, что ерзал на своем стуле. Любопытно, у кого была хоть капля мозгов, видел, что тот собрал сильную комбинацию. Командер заметил это и сделал ход, обесценив руку и задушив в зародыше надежды оппонента.

- С меня хватит, - проговорил шахтер, вскакивая из-за стола. - Я пас.

- Похоже, теперь у тебя есть шанс, - на одном дыхании прошептал Грошик, пронесшись мимо, чтобы налить очередную порцию выпивку. - Удачи.

Сегодня ночью она мне не понадобится, - подумал Дес. Он пересек кантину и переступил через nanoшелковый канат, войдя в контролируемую РВК игорную комнату.

<http://tl.rulate.ru/book/64861/1710330>